Лицо ее отца было серьезным. Не обычный серьезный стоицизм, а гораздо более глубокая озабоченность. Хината не могла понять, о чем он думает, но даже Ханаби, казалось, уловила это странное напряжение, и все ее тело задрожало рядом с Хинатой.

"Куренай сказала, что во время боя ты проявил странную силу... Можешь показать?" Он осторожно поинтересовался. Хината сразу поняла, о чем он спрашивает. Он не хотел видеть разрушительную силу, когда она нанесла удар естественным тенкецу, но простой активации бьякугана Ничирена должно быть достаточно, чтобы удовлетворить его просьбу.

Она кивнула, закрыв глаза и сосредоточившись. Как и учила ее Кали, она начала втягивать в себя природную энергию окружающего мира. Этого было достаточно, чтобы начать процесс. Как только она начнет, тень на ее спине справится с остальным. Движение прерывало процесс, а тени двигаться было не нужно. Таким образом, она могла свободно сражаться, а тень поддерживала баланс природной энергии, необходимой ее телу, чтобы оставаться в режиме мудреца.

Кали так это называла: Режим мудреца. Если она перейдет в этот особый режим, ее бьякуган Ничирена должен был пробудиться автоматически. Предполагалось, что для безопасного использования такой способности нужен высокий уровень чакры, но у Хинаты не было таких запасов. По крайней мере, не было до слияния ее чакры с чакрой Кали. Теперь же ее резервов должно было хватить с лихвой.

Хината открыла глаза и, к своему облегчению, увидела естественный поток чакры мира. Ей удалось самостоятельно пробудить глаза. Благодаря трехсотшестидесятиградусному зрению пробудившихся глаз она смогла разглядеть тень Кали, висевшую на ее спине, словно призрак. Ее форма была еще более ужасной, чем раньше, и Хината поняла, что не сможет общаться с этим существом.

"Ни-сама..." вздохнула Ханаби, глядя на произошедшие с ней изменения. Хината посмотрела на нее снизу вверх и впервые увидела собственное лицо в отражении глаз сестры. Поначалу ее бьякуган выглядел обычным, не было даже пульсирующих вен вокруг головы, как у большинства Хъюг, когда они использовали свои глазные способности. Единственным небольшим отличием были маленькие белые лепестки в ее обычно пустых радужках. Они почти напоминали распустившийся лотос.

Без сомнения, это были точно такие же глаза, как у Кали.

"Значит, ты наконец-то пробудила свою силу". Хиаши вздохнул. Хината перевела взгляд на него, и все ее внимание вернулось к нему.

"Наконец-то?" Она не могла понять, что именно он имеет в виду. Хотел ли он сказать, что знал об этом? Но этого не должно было быть. Никто другой не мог видеть Кали или ее визави, висящего на спине Хинаты, даже отцовский глаз был недостаточно силен. Поэтому он не мог знать, что она - последняя реинкарнация Кали.

"Это... уже третий раз, когда ты используешь эту силу, Хината". Хиаши говорил медленно, словно танцуя вокруг темы. Было похоже, что он боится ее реакции.

"В третий раз?" Хината пыталась понять смысл его слов. Она ломала голову, но не могла вспомнить ни одного подобного случая. И тут ее осенило. Именно это и было целью его первого вопроса. Он спросил, помнит ли она драку, потому что подобное уже случалось дважды. Только она не помнила ни одного случая.

"Я так и думала". Хиаши кивнул, читая эмоции, промелькнувшие на ее лице. "Сейчас я объясню вам первые два случая, хотя вам будет трудно их слушать. Пожалуйста, спокойно выслушайте меня до конца". Что-то в глубине ее сознания протестующе закричало, приказывая бросить слушать. Но она проигнорировала эти голоса. Она хотела знать правду, ей нужно было посмотреть ей в лицо.

"Первый раз это было в твой третий день рождения". Он сказал. Это было все, что ему нужно было сказать, ведь остальное Хината уже знала. В тот день ее отец убил того шиноби из Кумогакуре. Инцидент, который привел к смерти отца Неджи.

"Правда в том, что я не убивал того человека". резко сказал Хиаши. Жестоко. "Хината, ты убила его. Силой Бьякугана Ничирена ты сразила его еще до моего появления. К тому времени, как я тебя нашла, он был уже мертв". Нет, нет, нет. Хината попыталась покачать головой. Попыталась выразить свое отрицание.

Если это правда... то в смерти отца Неджи виновата она.

Но ее отец еще не закончил.

"Второй раз - в тот день, когда мы выбрали Ханаби наследницей клана Хьюга". Хиаши продолжал, несмотря на страдальческое выражение, исказившее лицо его дочери.

"Это... не то, что случилось..." Ханаби на мгновение забылась и начала перебивать, пока слова не заглохли у нее на языке. "В тот день я выиграла бой... не так ли?" Она поднесла дрожащую руку к голове, как будто начала сомневаться в своих воспоминаниях.

"Мне очень жаль". Хиаши закрыл глаза и отвернулся от них обоих. "Мы попросили человека из клана Яманака изменить твои воспоминания, Ханаби. Правда в том, что тот бой так и не закончился, потому что мне пришлось вмешаться, когда Хината потеряла контроль над собой. В этот раз я видел все своими глазами, подтверждая то, что, как я знал, должно было произойти с тем человеком из Кумо".

"Этого не может быть!" закричала Хината, не в силах сдержать себя. "Я бы никогда не причинила вреда Ханаби!" Знать, что она стала первопричиной смерти отца Неджи, было одно, но в три года она никак не могла предсказать такой исход. Однако предположить, что она готова использовать столь опасную силу против собственной сестры, было невозможно. Это

было за гранью воображения. Она не могла в это поверить.

В подтверждение своих слов Ханаби снова бросилась к сестре и крепко обняла ее. Ни одну из них не волновало, что они находятся на глазах у своего строгого отца, в этот момент им нужно было быть рядом друг с другом. И в редком проявлении любви к дочерям он не стал их за это отчитывать.

"Конечно, я не верю, что у вас было намерение причинить ей вред". Он сказал. "Просто Ничирен Бьякуган трудно контролировать. Твое тело еще недостаточно развито, чтобы справиться с такой силой, и она вышла из-под контроля. Когда я заставил вас сразиться друг с другом, сила окончательно вышла из-под контроля".

"Зачем ты это сделал!" Хината впервые в жизни накричала на отца. "Если ты подозревал, что у меня есть такая сила, зачем ты подвергал жизнь Ханаби такой опасности!" Она собиралась кричать и дальше, но реакция отца прервала все ее дальнейшие слова. Впервые в жизни он преклонил перед ней колено.

http://tl.rulate.ru/book/104197/3662161